

Г.А. Яременко

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

В статье рассматриваются проблемы динамики и структуры доходов населения России. Делается вывод, что задачи реформирования сферы доходов непосредственно связаны с преодолением ограничительной политики трудовых доходов и одновременно их неоправданной поляризацией по группам населения.

Динамика реальных доходов. Современный уровень показателей реальных располагаемых доходов на душу населения и реальной заработной платы работника в России еще не достиг базовой величины предреформенного 1991 г. Значительный спад названных показателей произошел в 1992-1995 гг. и повторился в кризисные 1998-1999 гг. Несмотря на наступившую затем положительную динамику, когда реальные доходы в 2004 г. по отношению к 1999 г. выросли в 1,7 раза, а реальная заработная плата – в 2,1 раза, первый показатель составил в 2004 г. около 80% уровня 1991 г., а второй соответственно – только 70% (табл. 1, рисунок).

Таблица 1

Динамика реальных доходов, %*

Показатель	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г. (оценка)
Реальные располагаемые доходы населения к 1991 г.	46	52	56	63	72	79
к 1999 г.	100	112	122	135	154	170
Реальная начисленная заработная плата одного работника к 1991 г.	33	40	48	56	62	70
к 1999 г.	100	121	145	168	186	211

* Расчет по [1, с. 30; 2].

Показанная выше динамика доходов в стране в течение последних почти 15 лет – итог не только кризисного их спада, но, безусловно, результат проводимой ограничительной политики, сознательного сдерживания роста доходов. Такая политика неадекватна условиям и уровню экономического развития России, качеству ее рабочей силы. Она обрекла на нищенское и полунищенское существование несколько десятков миллионов россиян. Нынешняя средняя заработная плата в России почти в 10 раз ниже, чем в большинстве развитых стран [3, с. 18].

Если рассматривать покупательную способность доходов, измеренную величиной прожиточного минимума, т. е. предельно низким объемом средств, необходимых для выживания на уровне биологического минимума, то можно

видеть, что отставание сегодняшнего объема среднедушевых доходов и заработной платы от дореформенных показателей еще больше, чем приведенное в табл. 1. Так, если в 2002 г. среднедушевые доходы и заработная плата позволяли выкупать примерно 2,2 прожиточных минимумов (исчисляемых по методике 1998 г.) [1], то аналогичные показатели в 1990 г. были идентичны пяти тогдашним минимумам. Причем последний исчислялся по более широкому набору потребительской корзины и был, по оценкам специалистов, в 2 раза выше, чем применяемый ныне [4, с. 19].

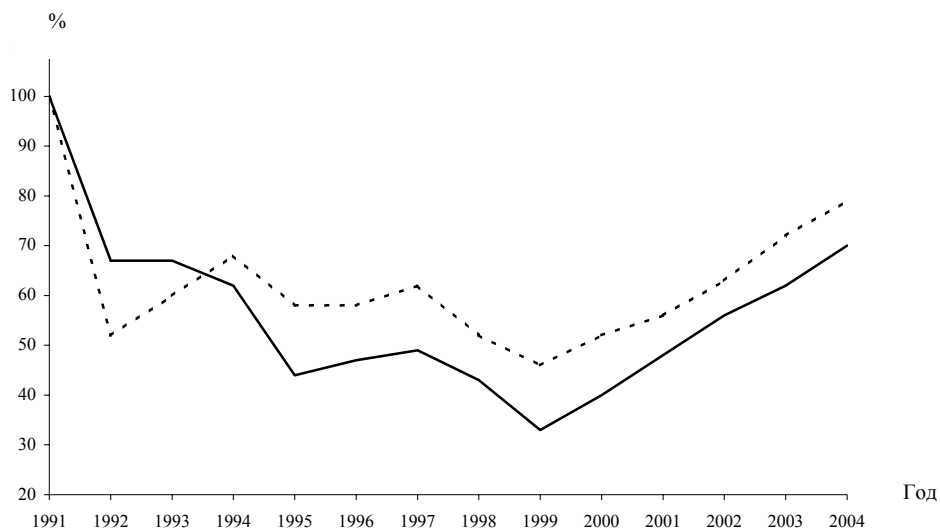

Рисунок. Доходы населения:

---- реальные располагаемые денежные;

— реальная начисленная заработная плата одного работника

Разрыв в уровне дореформенных и нынешних показателей средних доходов отражает в первую очередь произошедшие в 90-х годах изменения в структуре цен: опережающее удорожание предметов первой необходимости, прежде всего продовольственных (хлеба, молока, рыбы), и отказ от прежней политики целенаправленного поддерживания низких цен на настоятельные, не взаимозаменяемые другими товарами недорогого ассортимента, пользующиеся постоянным спросом массового потребителя. Низкая эластичность спроса от уровня доходов на самые настоятельные товары позволяет цинично повышать цены на них, расширяя ареал так называемой застойной бедности среди населения. При этом совершенно игнорируется опыт развитых стран, где в том или ином виде существует поддержка цен на товары, относящиеся к массовому спросу со стороны бедного населения, например, на молоко в США, на лекарства и отобранные 15 товаров для бедных в Австрии, а также во многих других странах [5, 6].

Проживание значительного контингента населения на доходы, близкие по уровню нынешнему прожиточному минимуму, не может быть продолжительным без явного ущерба здоровью, без углубляющейся деградации образа жизни, поскольку сопровождается отказом от жизненно необходимых организму благ и от пользования даже минимальным набором социально значимых, образовательных, культурных услуг. «Современный человек находится в сложной жизненной среде...Повышенный спрос на белки животного происхождения с ростом городского населения, острая потребность в витаминах, требование к жилью как

средству релаксации, особая защитная роль рекреационного потенциала экономики – все это различные формы противодействия тому напору, который создает современная урбанизированная среда... Для того, чтобы противостоять этому давлению, необходимо постоянно улучшать условия жизни. Идет нелегкое соревнование, и проигрыш в нем означает повышение заболеваемости, смертности, снижение продолжительности жизни, ухудшение генетического фонда.» [7, с. 203].

Следствием недопотребления, социальной неустроенности, застойной безработицы, нервно-психологических перегрузок современной жизни стали сдвиги в демографических показателях, характеризующих рост заболеваемости, изменения причин и уровня смертности, ухудшение динамики продолжительности жизни, которые считаются в России катастрофическими на фоне развитых стран. Особенно разительны отличия России по показателям роста смертности мужского населения в молодых возрастах, низкого уровня ожидаемой продолжительности жизни мужчин – всего 58 лет (в США – 74, Японии – 77,7), огромного (14 лет) разрыва между продолжительностью жизни женщин и мужчин, возрастания уровня смертности от внешних причин, усиления алкоголизации населения [8, 9].

Прожиточный минимум и стоимость воспроизводства рабочей силы. В современных экономических условиях не установлен норматив стоимости воспроизводства рабочей силы. Исчисляемый и публикуемый регулярно Госкомстатом России показатель прожиточного минимума (ПМ), в том числе по категориям (трудоспособное население, дети, пенсионеры) и регионам, далек от стоимости набора средств, необходимых для осуществления воспроизводственной и социальной функции доходов. К тому же он не регулирует уровня соответствующих фактических доходов и выплат на практике. Так, минимальный уровень оплаты труда (МРОТ), по существу, не увязан с уровнем ПМ, поскольку составляет по отношению к нему менее 1/4. Тем самым ст. 37 Конституции РФ, провозглашающая право на вознаграждение за труд не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, вовсе не гарантирует работнику не только уровня вознаграждения, достаточного для нормального воспроизводства его рабочей силы, но даже того убогого прожиточного минимума, который, как уже упоминалось, вдвое ниже минимального потребительского бюджета работника, рассчитываемого специалистами. МРОТ по величине не соответствует требованиям Устава Международной Организации труда, членом которой является Россия, – обеспечить удовлетворительные условия жизни всем работающим.

Неоправданно низкий уровень МРОТ служит одним из стимуляторов расширившейся негативной практики *скрытой* оплаты труда, которая в ряде отраслей в 1,5 раза увеличивает фактически получаемую. Для того, чтобы МРОТ стал реальным нормативом нижнего уровня оплаты труда, он в ограниченные сроки должен быть увеличен в 4 раза. Только тогда МРОТ получит присущий ему по идее экономической смысл. Это будет способствовать увеличению уровня средней оплаты труда до 4-5 ПМ (как это было в 1990 г.) и, следовательно, выполнению заработной платой нормальной воспроизводственной функции с учетом семейной нагрузки.

Практическая политика доходов во всем мире охватывает, по меньшей мере, *три* основных направления с целью контроля за обеспечением общественно приемлемого уровня воспроизводства рабочей силы, включая семью работника. *Во-первых*, государство активно вмешивается в процесс согласования интересов работников и работодателей (трехсторонние соглашения). *Во-вторых*, законодательно устанавливается минимум заработной платы, соответствующий

низшей границе существования и близкий минимальному потребительскому бюджету. *В-третьих*, обязательной индексации подлежат соответствующие виды выплат населению в случае повышения цен, тарифов, роста оплаты услуг и введения новых видов платных услуг.

В России все названные меры регулирования доходов при формальном признании необходимости их применения реализуются в самом ущербном виде. Как было показано выше, нынешний МРОТ нельзя рассматривать ни как оплату труда, ни даже как пособие: он отвечает только интересам экономящего на налогах работодателя, но не работника. Меры по индексации доходов осуществляются неполно и избирательно. Если бы вместо ограничительной политики доходов речь шла о закономерной полноценной их индексации, сберегающей покупательную способность, то, скажем, реформа оплаты жилищно-коммунальных услуг не могла бы не сопровождаться соответствующими мерами полноценной *компенсации* массовых доходов с тем, чтобы гарантировать выполнение заработной платой (и другими видами выплат) нормальных воспроизводственных функций.

В сегодняшней практике при обсуждении проблем реформирования социальной сферы акцент делается в первую очередь на задачах покрытия издержек по расходам жилищно-коммунальных предприятий, учреждений здравоохранения и т. д. Однако при этом остаются в стороне проблемы соответственного роста издержек воспроизводства рабочей силы, расширения наполнения потребительской корзины, величины МРОТ, пенсий, пособий и другие, которые необходимо возмещать *одновременно*, вместе с введением новых цен, тарифов и видов услуг. Кроме того, уровень индексации доходов должен быть объективно обусловлен для разных доходных групп. С удорожанием услуг, переходом к платности ранее бесплатных социально значимых услуг их доступность не должна снижаться. Без мер по поддержанию благосостояния низко- и среднедоходных слоев населения начатое ныне реформирование жилищной и медицинской сфер будет означать в первую очередь масштабное перераспределение и дальнейшее ограничение трудовых и социальных доходов населения.

Вполне логичные требования со стороны населения установить реальные гарантии оплаты труда и других доходов на уровне, обоснованном выполнением этими доходами экономических и социальных функций, часто расцениваются даже в научной литературе как приверженность *патернализму* со стороны широких категорий населения, как традиции, якобы сложившиеся в России на протяжении длительного времени. Оценивая это явление с точки зрения субъекта – получателя государственных доходов, следовало бы сделать некоторые уточнения. С одной стороны, вознаграждение за труд по найму и социальные пособия по страховым основаниям не могут не опираться на экономическую базу, обоснованную уровнем экономического развития страны. И с этой точки зрения требования обеспечить полноценный уровень вознаграждения, гарантированного государством, следует расценивать не как патернализм, а как вполне естественное требование к государству (например, в рамках трипартизма) выполнять функции, присущие ему как государству, конституирующие его. С другой – государственный патернализм в виде льгот, прежде всего натуральных, сложился в нашей стране как прерогатива административного класса, чиновничества, партийной бюрократии и частично рабочей аристократии. И видимость всеобщности этих льгот (например, организации масштабной социальной сферы на крупных предприятиях) служила только прикрытием «патернализма государства для государства».

Эти традиции именно во властно-чиновничьей среде не только сейчас не изжиты, но чрезвычайно умножились и расширились после объединения всех важнейших объектов социальной сферы под эгидой Администрации президента, в которую перетекли социальные объекты как крупных партийных так и хозяйственных структур общесоюзного, республиканского и даже местного значения (все элитные санатории, дома отдыха, больницы, гостиницы и т. п.). Составляющая государственных расходов на их содержание несоразмерна мизерным требованиям миллионной армии инвалидов войны, труда, детства и т. п. Достаточно привести конкретный пример из области расходов на содержание элитной медицины из государственных средств – на ведомственную медицину из общего бюджета здравоохранения было отпущено в 1996 г. 37% (!). Более 20 ведомств имеют свою медицинскую систему, и она продолжает расширяться, дублируя уже существующие структуры [9, с. 139]. Направления нынешней реформы здравоохранения дают все основания считать, что государственные расходы на содержание элитарной медицины будут и дальше возрастать.

Поляризация доходов. Опираясь категорией *средних* доходов или заработной платы, необходимо иметь в виду, что в сегодняшних условиях средние величины этих показателей вообще мало репрезентативны, поскольку дифференциация доходов по группам населения достигла таких чрезвычайных величин, что средний уровень жизни относится к весьма малой совокупности населения и, по существу, является гипотетической величиной. Даже по официальным данным Госкомстата России, децильный коэффициент дифференциации доходов достигает 14 (эта величина почти не меняется с 1998 г.). Однако по углубленным расчетам А.В. Суворова, использовавшего данные баланса денежных доходов и расходов населения и математические модели расчетов функций спроса, в действительности величина коэффициента фондов оказывается не менее чем вдвое большей [10].

При столь высокой, чрезвычайной поляризации доходов и потребления средние цифры по стране, которые всегда использовались для внутристрановых и международных сравнений, хотя и показывают в территориальном и временном разрезе направления общей динамики явлений, в большинстве случаев, как правило, не позволяют адекватно измерить реальный уровень многих основных параметров потребления по группам населения. Суммарные расходы 5-7 млн. наиболее богатых людей и 17-20 млн. высокообеспеченных (по оценке чл.-корр. РАН Н.М. Римашевской), складываемые вместе с расходами десятков миллионов бедных, мало пригодны для анализа ситуации в стране и для международных сравнений, особенно по товарам длительного пользования (ТДП) культурно-бытового назначения и жилью.

Сопоставления показателей потребления примерно однородных продовольственных товаров показывают, что в настоящее время в России они находятся в среднем на уровне, более низком, чем в 1990 г., и значительно ниже, чем в наиболее развитых странах. Так, уровень потребления мясопродуктов в 2002 г. в России составлял 62% от 1990 г., молока – 57; рыбы – 52; сахара – 76%, а хлебных продуктов, овощей и растительного масла – оставался примерно тем же.

Что касается потребления ТДП, то эти показатели в России значительно ниже, чем в Западной и Восточной Европе, а средний по стране современный их уровень в расчете на 100 семей неточен для сравнений, поскольку данные о многочисленных благах наиболее состоятельных семей, обладающих самыми современными приборами, усредняются с данными по десяткам миллионов бедных семей, пользующихся техникой с уже давно истекшим сроком службы.

Особенно ярко это видно на примере потребления *легковых автомобилей*. Поскольку не публикуется данных о том, сколько семей имеют более чем один автомобиль, то весь фактический прирост их новых покупок семьями, уже ими обладающими, распределяется и на те семьи, которые никогда автомобиля не имели. Показатель «30 автомобилей на 100 семей» в России в 2002 г. по сравнению с 14 в 1991 г. не позволяет сделать выводов, существенно ли расширился круг семей, приобретших заново автомобиль за эти годы, ведь в нынешних состоятельных семьях в России наличие 4-5 автомобилей разных, в основном иностранных марок, – распространенное явление. Для сравнения: в 2000 г. в США на 100 семей приходилось 125 автомобилей, Японии – 140, в 1997 г. во Франции – 108; Швеции – 94 [1, с. 449].

Весьма трудно оценить, насколько возросло потребление *жилищ* в реальном выражении. По статистике площадь жилья, приходящаяся на 1 жителя в 2002 г., составила 20,0 кв. м по сравнению с 16,4 в 1990 г. Однако вводы жилых домов существенно сократились: если в 1990 г. было построено 61,7 млн. кв. м общей площади и 1044 тыс. квартир, то в 2002 г. эти показатели соответственно составили 33,8 млн. кв. м и 396 тыс. квартир [1, с. 284]. При этом нельзя не учитывать, что жилье в сегодняшних условиях – в значительной степени не столько потребительское благо, сколько средство тезаврации. По крайней мере, в Москве до 50% построенных жилых домов не заселяется, а тезаврируется с целью дальнейшей перепродажи.

Основным достижением постреформенного периода считается насыщенность потребительского рынка, особенно импортными товарами. Единодушно оцениваемый этот общий позитивный результат представляет, по существу, лишь формальную возможность покрытия общего платежеспособного спроса населения, поскольку достигнуто это изобильное, не убывающее, без перебоев, без очередей предложение, прежде всего, за счет экспроприации покупательной способности населения в виде многолетних сбережений и текущих личных доходов. Нынешнее широкое предложение вожделенных ранее импортных западных товаров часто создает иллюзию всеобщего свободного доступа к ним. Но для большинства оно в большей мере служит лишь экспозицией для обозрения – повседневные, обычные покупки потребителя ограничиваются в основном китайско-турецким ширпотребом часто весьма сомнительного качества.

Дифференциация в сфере реального натурального потребления значительно выше, чем денежных доходов, поскольку в нем материализуются не только полученные теневые доходы, но и контрабандный экспорт, и средства, сберегаемые и реализуемые за пределами России. Высокая доля импорта в потреблении, как уже стало очевидно, – не всегда благо. Например, в потреблении продовольствия современный массовый покупатель в городах перешел от свежих натуральных продуктов к многократно переработанным, снабженным специальными добавками, часто небезупречного качества.

Сравнение крайних значений поляризации доходов между высшим, 10-м и низшим, 1-м децилем, приводимое автором на основе данных А.В. Суворова, показывает, что расходы представителей 1-го дециля направлены лишь на самое скудное, нищенское выживание (табл. 2).

Хотя общий коэффициент фондов по приведенным расчетам составляет 35 раз, расходы на хлеб больше в 10-м дециле в 1,5 раза, на картофель – в 1,8, растительное масло – в 1,7, яйца – в 1,8, рыбу – в 7; на мясо – в 10 раз. В целом на продукты питания в 10-м дециле расходуют в 5,7 раза больше, чем в 1-м, табачные изделия – в 13, медицинские товары и предметы гигиены – в 11, предметы одежды и обуви – в 51,5 раза. Что касается ТДП, то здесь разрыв в расходах просто огромен –

вплоть до бессмысленности такого рода сравнений, поскольку в бедных семьях расходы по большинству этих статей находятся почти на нулевом уровне. Так, общие расходы на покупку всех непродовольственных товаров в 10-м дециле выше, чем в 1-м в 90 раз, мебели и домашнего оборудования – в 824 раза, транспортных средств – в 10 тыс. раз. В то же время разрыв в налоговых платежах, как это ни парадоксально, такой же, как и в среднем по всем доходам в целом (34 раза). А сбережений в 1-й децильной группе не существует совсем.

Таблица 2

Сравнение структуры доходов и расходов населения России в 2000 г.
(1-й и 10-й децильных групп, руб. на душу населения в месяц*)

Доходы и расходы	Децильные группы		Превышение, раз
	1	10	
Денежный доход на душу	247,0	8668,0	35,1
Налоги с физических лиц	8,5	289,5	34,0
Взносы в пенсионный фонд	0,7	22,6	32,3
Остальные сборы и платежи	9,1	242,8	59,6
Всего налоги, сборы, платежи	18,2	554,9	30,5
Прирост сбережений и чистые покупки валюты, прирост наличности	-2,3	1940,6	-
Расходы на товары и услуги, всего	231,0	6172,0	26,7
в том числе:			
продукты питания и общественное питание	156,0	885,0	5,7
из них:			
хлеб и хлебные продукты	50,1	77,0	1,5
картофель	5,3	9,7	1,8
овощи и бахчевые	8,1	46,0	5,7
фрукты и ягоды	4,5	66,4	14,8
мясо и мясные продукты	19,2	190,3	9,9
рыба и рыбные продукты	7,2	49,5	6,9
молоко и молочные продукты	23,3	102,7	4,4
сахар и кондитерские изделия	13,1	141,6	10,8
яйца	7,2	13,3	1,8
масло растительное и другие жиры	9,1	15,0	1,7
чай, кофе, безалкогольные напитки и др.	7,6	66,4	8,7
общественное питание	1,2	107,1	89,2
Расходы на покупку алкогольных напитков	5,0	516,0	103,2
Расходы на непродовольственные товары	38,0	3407,0	89,7
в том числе:			
одежду, обувь, белье и ткани	15,6	804,0	51,5
телерадиоаппаратуру, предметы для отдыха, увлечений	3,1	290,0	93,5
транспортные средства	0,1	998,0	9980
мебель, домашнее оборудование, предметы для ухода за домом	1,1	906,0	824
строительные материалы	0,3	75,0	250
топливо	0,6	106,0	177
табачные изделия	4,0	51,0	12,8
медицинские товары, предметы гигиены	12,2	133,0	10,9
другие	1,0	44,0	44
Расходы на услуги	32,0	1365,0	42,7

* Подсчитано по [10, с. 73-74].

* * *

Таким образом, Россия в отсутствие внешних катаклизмов, вследствие мирно и добровольно принятых на себя обязательств по проведению внутренних реформ, содержащих в себе ожидаемый и предсказуемый специалистами кризисный результат, оказалась в ареале стран с наиболее низким уровнем и качеством жизни.

Лауреат Нобелевской премии американский экономист Л. Клейн еще в 1996 г. подчеркивал, что в ходе проводимых в России реформ путь достижения макроэкономической стабильности, альтернативный реализуемому в те годы, должен характеризоваться целым рядом условий, среди которых он выделял следующие: поддержание высокого уровня занятости; гарантирование справедливого распределения доходов и собственности; обеспечение населения основными видами социальных услуг; создание необходимой инфраструктуры и др. Он считал, что акцент на ускоренную приватизацию сопряжен с быстрым возникновением очень неравномерного распределения доходов и имущества. «Это нежелательно, – писал Л. Клейн, – поскольку для нормального функционирования системы ... необходимо сотрудничество совместно работающих людей. Примечательной чертой успешно развивающихся стран Азии является достижение ими показателей относительно справедливого распределения доходов и имущества.» [11, с. 34-35].

Последствия реформ, приведшие к небывалой поляризации общества и низкому уровню средних доходов, означающему, что самым массовым слоем общества являются бедняки, в свою очередь стратифицированные на несколько классов (их состав, социальные и экономические характеристики – вопрос, требующий отдельного рассмотрения), означают, что качество жизни российского общества в постреформенный период стало, по крайней мере, на порядок ниже. Доступность элементарных потребительских благ, высокоценных услуг образования и медицины, возможность обеспечить своим трудом собственное благосостояние, сопричастность интересам людей, заинтересованное отношение к общечеловеческим ценностям противостояния добра злу, активная реакция на действия существующей власти – все эти составляющие качества жизни не могут целиком стать атрибутами рынка. Их выбор для нашего общества, возможно, еще впереди.

Литература

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. Стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003.
2. http://www.gks.ru/bgd/free/b04_00/lswPixdll/Stg/d100/i100130r.htm.
3. Яременко Г.А. Оплата труда: проблемы преодоления кризиса // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4.
4. Кузнецова Н.П. Бедность в России: приоритетные направления решения проблемы // Человек и труд. 2004. № 7.
5. Островский Ю. Пути преодоления кризиса российской экономики // Независимая газета. 1994, 13 января.
6. Паньков В. Механизм социального партнерства // Биржевые ведомости. 1994. № 28.
7. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука, 1999.
8. Харченко В.И., Акопян А.С., Михайлова Р.Ю., Михайлов А.Ю. Уровень смертности в России в сравнении с развитыми странами // Проблемы прогнозирования. 2002. № 1.
9. Акопян А.С., Харченко В.И., Мишиев В.Т. Состояние здоровья, смертность детей и взрослых репродуктивного возраста в современной России. М.: 1999.
10. Суворов А.В. Структура денежных доходов и расходов населения в современной России // Проблемы прогнозирования. 2004. № 5.
11. Клейн Л. Что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе? // В кн. «Реформы глазами американских и российских ученых». М.: Российский экономический журнал, Фонд «За экономическую грамотность», 1996.